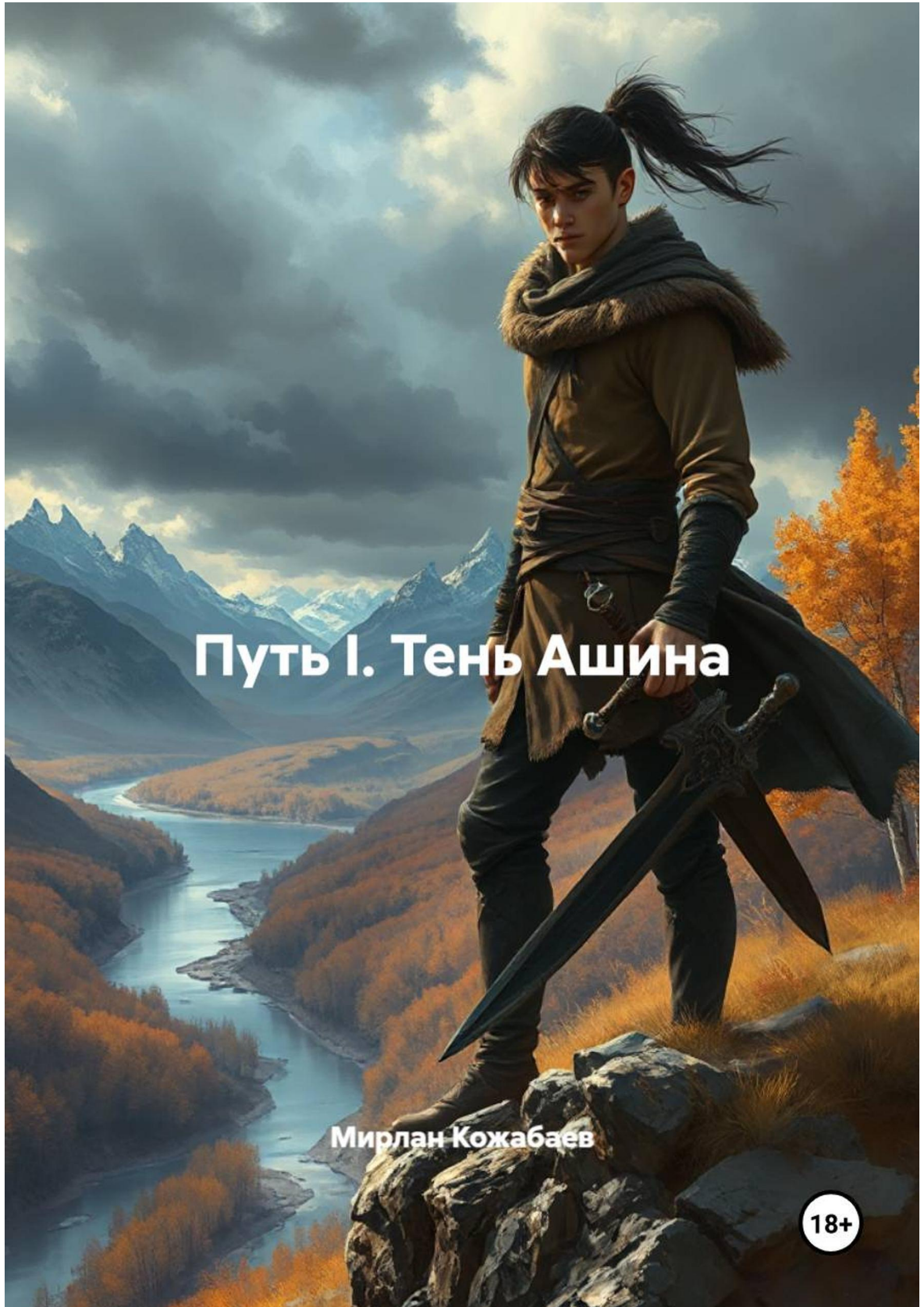

Путь I. Тень Ашина

Мирлан Кожобаев

18+

Мирлан Кожабает

Путь I. Тень Ашина

«Автор»

2026

Кожабаев М.

Путь I. Тень Ашина / М. Кожабаев — «Автор», 2026

«Тень Ашина» — историческое фэнтези о судьбе рода в эпоху больших перемен. Действие разворачивается на берегу Иртыша: стойбище рода Йенгли оказывается на пути новой власти после распада Второго Тюркского каганата и восхода уйгуров. В книге переплетаются темы выживания, выбора между гордостью и жизнью, сопротивления и подчинения. Автор детально воссоздаёт быт и атмосферу тюркского мира, показывая, как исторические события ломают и закаляют человеческие судьбы. Если вам интересны истории о силе духа, сложных моральных выборах и атмосфере древних кочевых государств — эта книга для вас.

© Кожабаев М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Дань	5
Глава 2 Соседи	7
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Мирлан Кожабаев

Путь I. Тень Ашина

Глава 1 Дань

Осень на Иртыше пахла речной тиной, дымом кизяка и палой листвой. Тальники на берегах пожелтели, тополя в пойме стояли рыжие, будто облитые старой медью. Вода потемнела и текла медленно, тяжело — будто тоже готовилась к зиме. Стойбище рода Йенгли стояло на высоком левом берегу, там, где Иртыш делает крутую петлю и подмывает глинистый обрыв. Десять шатров, на утреннем ветру тряслись войлочные покрытия, а дым из верхних отверстий ложился низко, стелился по траве, не поднимаясь в небо. Лошади стояли в ковыле ниже по склону, и их тёплый пар смешивался с речным туманом. Еркин сидел на корточках у костра и точил нож. Делал это каждое утро, хотя нож уже был остёр. Мать говорила, что это от нервов. Он не спорил. Ему просто нравился камень под пальцами — тупой ровный звук, с которым кромка выходит на свет. Ему шёл семнадцатый год. Худой, жилистый, с широкими скулами и узкими глазами, которые казались темнее, чем были на самом деле, потому что он всегда щурился. Отец говорил: «Ты похож на бабку. Она тоже вечно щурилась и всем была недовольна». — Бросай нож, — сказала мать, проходя мимо с деревянным ведром. — Отец приехал. Еркин поднял голову. С реки донёсся стук копыт. Две лошади поднимались по склону — тяжело, устало, как едут лошади после долгого пути. Первую под уздцы вёл Тоган, старший брат. Он был на четыре года старше Еркина, шире в плечах, с тяжёлой челюстью и ровным взглядом, который не менялся ни от радости, ни от беды. Вторую лошадь вели под уздцы двое сопровождающих. На второй лошади сидел отец. Кадыр, буйрук рода Йенгли, слез с седла медленно, держась за луку. Ему было пятьдесят с небольшим, но в это утро он выглядел старше. Лицо серое от пыли и бессонницы, под глазами тёмные мешки, губы обветрены до трещин. Не ранен — Еркин сразу бы заметил. Что-то другое. Отец прошёл мимо костра, не взглянув на сыновей. У входа в большой шатёр остановился, повернулся и сказал негромко: — Тоган, Еркин. Зайдите. Они вошли. Тоган подал отцу пиалу с кумысом. Кадыр выпил двумя глотками и сел на кошму, вытянув ноги. Мать хотела последовать, но он остановил её движением ладони. Она осталась снаружи, у входа, и Еркин слышал, как она стоит, не шевелясь. — Наместник требует дань вдвое, — сказал Кадыр, глядя в войлок стены. — С этого года. И пастбища на восточном берегу — от Хоргоса до Чёрного Иртыша — он отдаёт басмылам. Тишина. Тоган опустил голову, будто считал что-то в уме. Еркин не шевельнулся. — Вдвое, — повторил Кадыр. — Тридцать коней, восемьдесят овец, сто мер зерна. Мы это не поднимем. Не с этого берега. — Сколько у нас? — спросил Тоган, не поднимая головы. — Кони — сорок три головы. Овцы — сто двадцать. Зерно — то, что выменяли у кимаков. Если отдать дань, останется тринадцать коней и сорок овец. На зиму. Еркин сжал рукоять ножа. В шатёр он вошёл с ним и не заметил как. — А пастбища? — спросил он. Голос прозвучал ровно, но в горле стоял ком. — Восточный берег — басмылам. Нам остаётся этот берег и горные яловые, до снега. Если зима будет тяжёлой, мы потеряем скот. — И что? Просто отдать? — Еркин не смотрел на отца. Он смотрел на нож. — Иначе — спалит стойбище. Он так и сказал. Не каган, нет. Наместник. Мелкий чиновник в шёлковом халате, который не знает, с какой стороны садятся на коня. Может, потому что за ним стоят гарнизоны в Семи Камнях. Еркин поднял глаза. — А мы зачем? Кадыр посмотрел на него. Долго, тяжело, как смотрят на то, что нельзя изменить. Потом отвёл взгляд. — Затем, что нас триста душ. Двести женщин, стариков и детей. И сто мужчин, из которых сорок — мальчишки, которые только взяли лук, а тридцать — старики. А в Семи Камнях стоит триста воинов с копьями и бронёй. Считай. Еркин считал. Он умел считать, отец научил раньше, чем

стрелять. Триста против ста. А если снять мальчишек и стариков — тридцать против трёхсот. И басмылы с восточного берега, которые получают пастбища и станут ближе. И канглы с запада, которые услышат, что ограки слабеют, и придут — сначала со сватовством, потом с мечами. — И ещё, — Кадыр говорил тихо, будто стесняясь собственных слов, — наместник хочет, чтобы я привёз Тогана к нему. На службу. «Десять лет, — сказал он, — и дань уменьшат до прежней». Тоган поднял голову. — Десять лет. — Десять лет в гарнизоне. Ты будешь командовать отрядом из своих. Твои люди — десяток парней из рода. Остальные — тюрки. Тоган молчал. Потом медленно кивнул, как кивают, когда нет другого ответа. — Нет, — сказал Еркин. Кадыр не повернулся. — Я не спрашиваю. — Я знаю. Но я говорю — нет. Тоган не поедет к ним на службу. Мы не отдадим пастбища. Мы не дадим вдвое. Мы... — Еркин. — Кадыр сказал это так, как говорят с лошадьё, вставшей на краю обрыва. Спокойно. Твёрдо. Без надежды. — Ты молодой. Ты сильный. Ты умеешь резать ножом и стрелять. Ты не умеешь считать мёртвых. Я умею. Я считал, когда наместник сжёг род Улуг-Тумат. Триста человек. Все. От старика до ребёнка в колыбели. Их шатры стояли там, где теперь растёт крапива. Ты не помнишь Улуг-Тумат. Потому что от него ничего не осталось. Еркин замолчал. Не потому что согласился — потому что не нашёл слов, которые были бы сильнее. Внутри у него было что-то тяжёлое, горячее, как уголь, который не раздувают, но и не гасят. Оно было всегда, сколько он себя помнил. Отец называл это «волчий нрав». Мать — «дурацкая гордость». — Десять лет, — повторил Тоган. Он смотрел на отца. — Я поеду. Еркин повернулся к брату. — Тоган... — Я поеду. Десять лет. Это не вся жизнь. Я вернусь. Он сказал это тем же голосом, каким говорил «отец приехал». Ровно. Без бравады. Как человек, который взял камень и понесёт его, потому что кто-то должен нести. Кадыр закрыл глаза. Не от усталости — от чего-то другого. Может, от облегчения. Может, от стыда. Еркин не понял. Он встал, вышел из шатра и пошёл вниз, к реке. Иртыш тек. Тяжёлый, тёмный, медленный. На том берегу, далеко, темнела полоса басмыльских кочевий. Завтра они получают восточные пастбища. Послезавтра — подойдут ближе. Через год — ещё ближе. Еркин знал это, как знал, что зима идёт за осенью. Мать подошла и встала рядом. Ничего не сказала. Просто стояла, и её рука легла ему на плечо — лёгкая, тёплая, шершавая от работы. — Я не отдам Тогана, — сказал Еркин в реку. — Ты не решаешь, — ответила мать. — Пока не решаешь. Он не ответил. Нож в его руке был остёр. Камень остался у костра. А Иртыш тек — медленно, тяжело, как течёт всё, чему никто не мешает.

Глава 2 Соседи

На третий день после возвращения Кадыра в стойбище пришёл кимак. Еркин увидел его первым — с холма, куда каждое утро поднимался смотреть на восточный берег. Всадник ехал не торопясь, ведя в поводу трёх навьюченных лошадей. Одет в потёртый халат поверх овчинного тулупа, на голове войлочный колпак, подтянутый шнурком под подбородком. Не воин — но и не простой торговец. Сидел в седле так, как сидят люди, которые родились в нём, но давно разучились скакать галопом. — Кимак, — сказал Еркин Тогану, спустившись к стойбищу. — С товаром. Тоган стоял у загона и проверял пути на жеребце. Головы не поднял. — Скажи отцу. Кадыр принял кимака в большом шатре. Еркин не вошёл — но сидел у костра рядом, и войлок не держал слов. Кимака звали Сатук. Торговал он всем: зерно, ткани, железные ножи, соль, сухие яблоки из пойменных садов. Раз в год, поздней осенью, приходил на Иртыш — менял товар на коней. Огракские кони ценились у кимаков: некрупные, но выносливые, с крепкими копытами, которые не сбиваешь на камнях. — Зерно дам двадцать мер, — говорил Сатук. Голос у него был низкий, хрипловатый, с лёгким присвистом на шипящих — акцент человека, для которого тюркский не родной. — Ткани — три отреза. Ножи — пять штук. Соль — полмешка. За восемь коней. — Двенадцать, — ответил Кадыр. — Десять. И сухие яблоки. Два мешка. Дети любят. — Десять коней, двадцать мер зерна, пять ножей. И яблоки. — Восемнадцать мер зерна. Я не миссир с гор, у меня тоже зима впереди. — Двадцать. — Хорошо. Двадцать. — Сатук засмеялся, коротко и сухо. — Ты каждый год так. Я каждый год уступаю. Однажды я приду, и у тебя не будет коней, и мы поговорим о чём-нибудь другом. — У меня всегда есть кони. — Это правда. — Сатук помолчал. Потом сказал тише: — Кадыр, я слышал про дань. Мне рассказал старший сын, когда был у нас на постое. Он не хвастался. Просто говорил. — И что? — И то, что басмылы получают восточный берег. Я знаю. Мы тоже слышали. Наш буйрук считает, что басмылы полезут дальше — на юг, к нам. И что наместник в Семи Камнях не будет их останавливать. Зачем? Они дань платят исправно. Мы — нет. — Вы не платите? — Мы платим. Но не дань. Мы платим за дорогу. Кимакский буйрук платит наместнику за то, что караваны ходят через наши земли. Другие деньги. Другой разговор. — Сатук снова помолчал. — Знаешь, в чём разница между нами и вами, Кадыр? Мы построили стены. Деревянные, невысокие — но стены. И сады. И печи для обжига. Мы не бежим зимой. Мы сидим. А вы — вы всё ещё на коне. На коне хорошо воевать. Плохо — зимовать. Еркин слушал. Сатук говорил не как враг и не как друг. Как человек, который видел больше и думал дальше. Еркин не знал, злиться ему или соглашаться. Торг закончился. Кадыр отдал десятерых коней и получил зерно, ткани, ножи, соль и яблоки. Сатук остался на ночь — кимаки не ездили в темноте, говорили, что ночью на степных тропах просыпается старое зло, которое не видит днём. Вечером у костра Сатук рассказывал. Не Еркину — Кадыру и старикам. Но Еркин сидел рядом, и ему не сказали уйти. — Я был в Суябе, — говорил Сатук, протягивая руки к огню. — Город. Настоящий город. Глиняные стены, базар, мечети — там мусульмане, слышали? Люди молятся одному богу, а не небу. И пишут не на камне, а на бумаге. И бумага не забывает, в отличие от камня. — Он усмехнулся. — А я был ещё дальше. Был в Кашгаре. Там — снег на горах в июле, и мулы ходят по узким тропам над пропастью, и внизу — река белая от пены. Люди там носят шёлк и едят рис. И торгуют. Все торгуют. Женщины на базаре — наравне с мужчинами. — Ты хвастаешься, Сатук, — сказал один из стариков. — Я рассказываю. Хвастаться — это когда врёшь. Я не вру. Я видел. — Он повернулся к Еркину. — Ты, парень. Сколько ты видел? Еркин не ответил. — Иртыш. Степь. Горы. — Сатук кивнул. — Хорошее место. Но маленькое. Если ты не видел ничего, кроме того, что видишь отсюда, — ты не знаешь, где ты. Еркин хотел ответить резко. Но посмотрел на Сатука — старого, усталого, с морщинами глубже, чем овраги на склоне, — и промолчал. Что-то в словах кимака было верным, и это злило сильнее, чем ложь. Ночью, когда

стойбище затихло, Еркин лежал у костра и смотрел на небо. Звёзды были крупные, низкие — осенние. Мать говорила, что осенью они ближе, потому что небо холодает и сжимается. Он не верил, но любил представлять. Тоган подошёл и сел рядом. Молча. Потом сказал:— Я уезжаю через неделю. Еркин повернулся.— Отец сказал — через десять дней. Чтобы успеть до снегопадов. Дорога до Семи Камней — четыре дня. Возьму Тонга и Кая. Наместник обещал десяток наших в отряд.— Ты серьёзно.— Я всегда серьёзен. Ты это знаешь. Еркин знал. В этом была беда. Тоган не шутил, не блефовал, не играл. Если он сказал «я поеду» — он поедет. Если сказал «десять лет» — отсчитает десять лет. Он был надёжный, как ось в телеге. И так же не гнул.— Я приеду к тебе, — сказал Еркин.— Не надо. — Тоган сказал это мягко, но твёрдо. — Ты останешься с отцом. Ты нужен ему здесь. Когда я уеду, он останется один. Старикам нельзя быть одним.— Он не один. Он...— Он один. Мать — это мать. А ты — его правая рука. Ты этого ещё не знаешь. Но он знает. Еркин не ответил. Огонь трещал. Где-то за стойбищем, в темноте, фыркнула лошадь. Тоган положил руку ему на плечо — тяжёлую, сухую — и встал.— Спи. Завтра много работы. Надо готовить коней к зиме. И тех десятерых, что отдали Сатуку, надо заменить. Он ушёл в шатёр. Еркин остался. Огонь догорал. На востоке, за Иртышем, темнели пастбища, которые завтра отдадут басмылам. На западе, за грядой холмов, жили канглы. На юге — горы. На севере — тайга, где зимой собаке холодно. А посередине — десять шатров рода Йенгли. Триста душ. И один Еркин, который не мог ничего решить, но уже знал, что однажды решит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.